

литература XX-XXI веков

итоги

и перспективы изучения

Одннадцатые андреевские чтения

Москва 2013

**ЛИТЕРАТУРА XX – XXI ВЕКОВ:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

**МАТЕРИАЛЫ
ОДИННАДЦАТЫХ
АНДРЕЕВСКИХ
ЧТЕНИЙ**

Москва

ЭКОН-ИНФОРМ

2013

ББК 83.3 (о)
Л84

Печатается по решению кафедры истории мировой литературы факультета гуманитарных и социальных наук Университета Российской академии образования

Редакционная коллегия
Н.Н. Андреева, Н.Т. Пахсарьян, Н.А. Литвиненко, Т.Н. Амирян, В.И. Дёмин

Рецензенты
доктор филологических наук, профессор Б.А. Гиленсон
профессор Г.Н. Ермоленко

Л84 Литература XX – XXI веков: итоги и перспективы изучения. Материалы Одиннадцатых Андреевских чтений / Под редакцией Н.Т. Пахсарьян. — М.: Экон, 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-9506-1069-1

Сборник предназначен для специалистов-филологов, аспирантов, студентов гуманитарных вузов, интересующихся современной зарубежной и отечественной литературой.

Проект обложки: А. Денисов.
В оформлении обложки использована работа П. Мондриана «Композиция»

Материалы предыдущих конференций смотрите на сайте Н.Т. Пахсарьян
www.natapa.org

ISBN 978-5-9506-1069-1

© Кафедра истории мировой литературы факультета гуманитарных и социальных наук, УРАО, 2013
© Авторы статей, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Литературная панорама столетия

- 7 А.А. СТЕПАНОВА. Эстетико-философские смыслы «закатности» в концепции фаустовской культуры Освальда Шпенглера
17 Е.Д. ГАЛЬЦОВА. О двух направлениях в исследовании творчества Марселя Пруста в трудах Бориса Грифцова

На подступах к XX веку

- 28 Т.Ф. ТЕПЕРИК. Гомеровский психологизм с точки зрения невербальной семиотики
35 Е.М. УШАКОВА. Новаторство Мопассана в позднем творчестве: роман «Сильна как смерть»
40 А.А. ШЕЙКО. Диккенс и массовая литература: к постановке проблемы
47 К.Р. ШАРАФУДИНОВА. Портретная деталь в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: некоторые наблюдения
54 Е.С. БУРКОВА. Художественный мир Ф. Достоевского в критической рефлексии Л. Шестова
63 О.Ю. ГОЛОВИНА. Трансформация мифологических образов в романе «Кентавр» Э. Блэквуда и повести «Великий бог Пан» А. Мейчена
68 Т.И. ЗЕЛЕНЫХ. Ритуальный компонент в прозе В. Стефаника

Диалог с прошлым в литературе XX века

- 76 В.Г. МОСТОВАЯ. Жанровые трансформации как форма рецепции. А. Барикко, «Гомер. Илиада»
82 М.И. ДАРАКЧИ. Библейские интертексты в повести А. Куприна «Суламифь»
92 О.В. РАЗУМОВСКАЯ. История о терпеливой Гризельде: трансформация сюжета и жанра
100 Г.С. ПАНОСЯН. Генезис тинга и попытки его реанимации нацизмом
104 Н.А. ЛИТВИНЕНКО. «Ундины» Фуке и «Ундины» Жироду: проблема и трансформация романтического сюжета
116 Е.В. КАРАБЕГОВА. Мотив «погреба» в контексте романа Д. Кельмана «Измерение мира» и его генеалогия
131 Т.Н. ПОТНИЦЕВА. Викторианский синдром: современный английский роман на викторианскую тему

Литература XX-XXI вв.: проблемы поэтики

- 142 Г.А. СОРОКИНА. Восток в жизни и творчестве Ю. Терапиано
149 А.Н. ГОРБУНОВ. Золотые мозаики Равенны: Блок и Ийтс
166 А.М. БИБИКОВА. Пародирование в поэтике коротких пьес А. Кампаниле

- 170 В.Д. НАРИВСКАЯ. Авторский миф как проблема киноповести А. Довженко «Зачарованная Десна»
- 183 Т.В. САСЬКОВА. Музыкальная живопись и живописная музыка: парадоксы поэтики Ю. Верховского
- 194 И.В. ДОРОГАНЬ. Стихотворение М. Цветаевой «Встреча»: актуализация смысла спустя столетие
- 204 О.Ю. ШИШКИНА. Художественный концепт «В. Нилендер» (На материале стихотворения М.И. Цветаевой «Невестам мудрецов»)
- 209 С.Л. СТЕПАНЯН. Пауль Целан о языке поэзии
- 214 А.П. МОИСЕЕВ. Г. Бёлль глазами советских критиков: этапы, тенденции, проблемы
- 219 М.И. ДМИТРИЕВА. Музыка как форма игры в романе О. Хаксли «Контрольный пункт»
- 225 С.Н. ДУБРОВИНА. Артур Адамов – свидетель своей эпохи
- 231 Т. НИКИШИНА. «Феномен стекла» как механизм безобразного повествования в рассказах Мориса Бланшо
- 239 Г.Г. КАМБУЛОВ. Тема военного героизма в произведениях Хемингуэя: проблемы поэтики
- 244 С.Н. БУЛЫЧЕВА. Тема детства в романе Х. Ли «Убить пересмешника» и проблема традиций
- 248 А. ЛИВРИ. Менадизм Набокова
- 265 А.Р. КУТДЮСОВА. Творчество В. Набокова в контексте постмодернистской культуры
- 273 Н.Н. КАРЛИНА. Два сентименталиста: В. Шкловский и В. Аксёнов
- 279 Ю.А. АНТОНОВА. От варенных мокасин до надоевшего мужа: еда в романах Л. Эрдрик
- 285 Е.А. НЕСТЕРОВА. Сближение и взаимодействие предметной и персональной сфер в образе единого кольца у Дж.Р. Толкиена
- 289 И.Г. КАМБУЛОВА. Влияние Дж.Р.Р. Толкиена на русских писателей жанра фэнтези
- 294 М.В. КУЗИЧЕВА. О поэтике «метареализма»
- 300 Е.В. ФЕЙГИНА. Традиция итальянского герметизма в поэзии Коррадо Калабро
- 307 Г.А. ФРОЛОВ, А.М. СТАРОСТИНА. Между постмодернизмом и...: романы Петера Хандке 80-х – 90-х годов
- 316 Н.Т. ПАХСАРЬЯН. Русско-французский художественный синтез: романы Андрея Макина
- 326 В.В. ШЕРВАШИДЗЕ. Эстетика анаморфоза во французском романе: «Поля чести» Ж. Руо
- 335 А.В. ЩЕРБИТКО. Тема и образ книги в романе Вс. Бенигсена «Генцид»

- 344 В.И. ДЕМИН. Параллельные времена: «12 месяцев в тени» Лукаса Мудиссона

Рецензии

- 352 В.Д. НАРИВСКАЯ. «...О литературе как феномене эстетики». Михайло Наєнко. Художня література України. Від міфів до модерної реальності. – К.: Вид. центр «Просвіта», 2012. – 1088 с.
- 359 Ф. КРОЛАК. Ливри – воспитатель неодионисийцев.
- 368 Т.Н. АМИРЯН. Двойные агенты американского постмодерна. Н.В. Киреева. Постмодернистская литература США: особенности жанровой поэтики / Н.В. Киреева. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013. – 384 с.

Методика преподавания зарубежной литературы

- 377 А.В. КРАСУШКИНА. Формирование и повышение медиаграмотности студентов в рамках курса «История зарубежной литературы»
- 382 Список участников

МЕНАДИЗМ НАБОКОВА

«—Понимают ли меня?.. Поняли ли меня?..
„Решительно нет! сударь!“ — Итак, начнём сначала.»
Фридрих Ницше

Я воспользуюсь публикацией этого краткого труда, изначально посвящённого Владимиру Набокову, как претекстом для изложения части моей литературоведческой, — а следовательно, и наиболее выразительно-образного пласта моей философской — доктрины. Итак, что является движителем всякого творческого акта и, одновременно, его целью, а также уникальной неизменной материей, преобразовываемой в процессе созидания? — на этот вопрос отвечают мои прошлые книги¹ вместе с ныне пишущимся трудом, устанавливающим неразрывную связь между тотальным поэтическим демаршем и будущим человечества. Набоков же — редкий литератор XX столетия, глубже прочих проникший секреты креативной материи, даже не раз называвший её ингредиенты поимённо, — и по сей день остаётся идеальным подопытным животным для выявления тех, изначально чуждых атрибутов Божества вдохновения, ради культа которого он отрёкся от ценностей предков, став, благодаря этому отступничеству, абсолютно не-же объявив непримиримую войну всему современному миру, в глазах коего метаморфозу восемнадцатилетним с изучения трудов Фридриха Ницше², Набоков продолжает инициацию ницшеанца. Он не только презирает, в качестве анархо-«дионаисического пессимиста»³, идею человеческого равенства вкупе с Левиафаном-государством

(Всё пройдёт и забудется, и опять через двести лет самолюбивый неудачник отведёт душу на мечтающих о довольстве простаках (если только не будет моего мира, где каждый сам по себе, и нет равенства, и нет властей, — впрочем, если не хотите, не надо, мне решительно всё равно)»⁴,

¹ Анатолий Ливри, Набоков ницшеанец. — СПб.: Алетейя, 2005. — 239 с.; Anatoly Livry, *Nabokov le nietzschéen*. — Paris: Hermann, 2010. — 313 р.; Анатолий Ливри, Физиология Сверхчеловека. — СПб.: Алетейя, 2011. — 310 с. О том же идёт речь в: Анатолий Ливри, Апо-стат. — М.: Культурная революция, 2012. — 226 с.

² Brian Boyd, *The Russian Years, 1899-1940*. — London: Chatto/Windus, 1990. — Р. 150.

³ Friedrich Nietzsche, *Die fröhliche Wissenschaft in Kritische Studienausgabe*. — Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 3. — S. 622.

⁴ Владимир Набоков, Дар // Собрание сочинений в четырёх томах. — М.: Издательство Правда, 1990. — Т. 3. — С. 323.

или, например, органически отторгает демократию

(«Вообще, я бы завтра же бросил эту тяжкую, как головная боль, страну, (...) где из тумана какой-то скучнейшей демократической мокроты, — тоже фальшивой, — торчат все те же сапоги и каска [...]»¹),

но и возрождает древнюю веру своего учителя, последователя Бога-философа Вакха («— *ich, der letzte Jünger des Philosophen Dionysos [...]*»²): прочувствуя в мельчайших подробностях всё необходимое писателю-вакханту³ для дионаисического апостольства, Набоков воспроизводит на своих страницах кортеж Бога, сам пробуя свои силы одновременно в роли и сатира, и менады, — но не тех экстатических образов, что выходили из-под пера древнегреческих романистов. Ницшеанец Набоков воссоздаёт permanentные русско-, а затем и англоязычные дионаисии, рассматривая объект своего творчества через призму «Рождения трагедии» и «Так говорил Заратустра», — трудов, знаменных им почти наизусть. Именно благодаря экс-профессору классической филологии, менада-Кармен, — встреченному Фридрихом Ницше на сцене генуэзской оперы, и с тех пор неотлучная спутница его философского ориебасия, — превратилась в одного из главенствующих персонажей набоковских романов. Более того, Кармен-бассариду можно осмыслить как символ всего созидания Набокова: этот анти-дарвинист⁴ ощущал первостепенную важность взрыва дионаисического энтузиазма — единственной причины случайного реактивного ускорения в развитии мира, — сделавшего из человека знакомое нам существо, остающееся, однако, промежуточной стадией на пути к более совершенным формам. Пляшущий с менадой человек неразумный, ваяемый многоликим Дионисом по своему подобию — вот святая троица, воспеваемая Набоковым ницшеанцем, счастливо погружающимся в утончённейший менадизм, этот неисчерпаемый источник вдохновения и устремление всей жизни поэта.

¹ Владимир Набоков, Дар // Собрание сочинений в четырёх томах... С. 315.

² Friedrich Nietzsche, *Götzen-Dämmerung in Kritische Studienausgabe*. — Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6. — S. 160.

³ Anatoly Livry, «Nabokov le Bacchant», *Nietzschesforschung*. — Berlin: Akademie Verlag, 2009, Band 16. — S. 305 — 319.

⁴ «Ближайшее подобие зарождения разума (и в человеческом роде, и в особи) мне кажется можно найти в дивном толчке, когда, глядя на путаницу сучков и листьев, вдруг понимаешь, что дотоле принимаемое тобой за часть этой ряби есть на самом деле птица или насекомое. Для того, чтобы объяснить начальное цветение человеческого рассудка, мне кажется, следует предположить паузу в эволюции природы, животную минуту лени и неги. Борьба за существование — какой вздор! Проклятие труда и битв ведёт человека обратно к кабану. Мы с тобой часто со смехом отмечали маниакальный блеск в глазу у хозяйственной дамы, когда в пищевых и распределительных замыслах она этим стеклянристым взглядом блуждает по моргу мясной. Пролетарии, разъединяйтесь! Старые книги ошибаются. Мир создан в день отдыха.»: Владимир Набоков, Другие берега // Собрание сочинений в четырёх томах. — Москва: Издательство Правда, 1990. — Т. 4. — С. 295.

Но для возвращения писателя-вакханта сверхчитателю будущего – этому инкарнированному нюансу – требуется аналист его уровня, специалист, прошедший все стадии дионаисического посвящения, и вместе с тем проникший, ради уничтожения отжившей сократической структуры, тонкости сей системы с установленным ею мировоззрением. Данная *Zukunftsphilologie*, призванная, конечно, вызвать агрессию аппаратчиков диалектики, – низшей, вымирающей части людского племени, – породит один из импульсов вакхического рывка к сверхчеловечеству, новый «дивн^{ый} толчк^{ок}»¹, – как называет этот феномен антиеволюционист Набоков. Другими словами: творческому менадизму – литературоведческий менадизм!

В течение почти трёх десятилетий неоморалист Набоков, жертва собственного коммерческого успеха, посмертно ожидал своего исследователя, «переоценщика <университетских> ценностей», некогда отчаянно приываемого ницшевским языком:

... когда-нибудь появится переоценщик, который объявит, что я не был легкомысленной жар-пицей, а наоборот строгим моралистом, который награждал грех пинками, раздавал оплеухи глупости, высмеивал вульгарных и жестоких и придавал высшее значение нежности, таланту и гордости².

Набоковский антидемократизм, его презрение к равенству и «прогрессу» – вплоть до решительного нейтралитета по отношению к германскому национал-социализму³! – а следовательно, и ницшеанство с жизнеутверждающе

¹ Владимир Набоков, *Другие берега...* С. 295.

² Vladimir Nabokov, *Strong Opinions*. – New York: McGraw-Hill, 1973. – Р. 193; перевод: Олег Дарк, Загадка Сиринга в: Владимир Набоков, *Собрание сочинений в четырёх томах*. – М.: Издательство Правда, 1990. – Т. 1. – С. 405.

³ Набоков довоенной поры абсолютно преступен перед современной моралью. В 1939 году он добродушно именует немецкого канцлера, под чьим фюрерством его семья прожила несколько благополучных лет, «бедн^{ым} Адольф^{ом}»: другое его ницшеанское творение с названием, навеянным – непростимо безответственно по отношению к будущей карьере! – изотерическими изысканиями национальных социалистов Германии (Владимир Набоков, *Ultima Thule* в Собрании сочинений в четырёх томах. – М.: Издательство Правда, 1990. – Т. 4. – С. 443). Неординарные манеры Гитлера, вкупе с его ораторским гением, не могли не вызвать интереса, смешанного с восхищением, – кое, однако, Набоков, в отличие от стипендиата Муссолини Мережковского, предпочёл не афишировать. И лишь почти два десятилетия спустя, пронюхав, сколь от хорошо продающегося литератора, требуется соучастие в идеологическом добивании поверженного врага, нехотя, – ибо фабрикуя стилистическую лакуну, – Набоков закрепощает своё перо на барщине социального заказа: «... вышколенная медицинская сестра уводила её, и хрустело стекло, и ей прививали какую-то пакость, столбнячную сыворотку, и травили синильной кислотой под фальшивым душем, и скигали заживо в яме, на политых бензином буковых дровах.»: Владимир Набоков, *Линн / пер. С. Ильина*. – СПб.: Северо-Запад, 1993. – С. 257, – «mea culpa's act», свершённый ради искусства не одним Набоковым, но и Жаном Кокто,

над-человеческим менадизмом, принадлежали к идеям *pop gratae* набоковедения, квази всецело занятого стерильно-«научным обыдливанием» автора посредством лотманского структурализма, этого незаконнорождённого (однако затем благополучно усыновлённого) отпрыска марксизма, – с тем только, чтобы низвести до собственного уровня наследие дионаисического творца.

Главным ненавистником Владимира Набокова оставался его, теперь усопший, сын Дмитрий – страж политкорректно-американского железного занавеса набоковедения – залога добромыслящей медиа-хвалы книгопропагандцев, а следовательно, и мзды, взимаемой с грамотного коллектива соучастников в групповой коррозии мысли: «То, что каждый имеет право учиться читать, портит надолго не только писание, но и мысль.»¹ Набоковедение сделалось сектантским² придатком журналистской рекламы, усеянной претенциозными «открытиями» «аллюзий» и «отсылов», а подчас и откровенным плагиатом³, – бескультурье же верховного «специалиста» по-

и Ингмаром Бергманом, и Карлом-Густавом Юнгом, и тысячами поэтов всего мира, очарованных богоборческим евангелием основателя Третьей Империи.

¹ Фридрих Ницше, *Так говорил Заратустра*. – М.: Издательство Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 29.

² Автор этой работы, несмотря на три опубликованные – в Париже и России – книги о Набокове, увенчанные двумя российскими международными премиями, несмотря на преподавание этого писателя в двух университетах, Ниццы и Сорbonne, не удостоился участия ни в одной конференции «Французского Общества Владимир Набоков», управляемого Яник Шлюпэн и проч.; более того, парижская *Revue des études slaves* ни разу не упомянула даже имени Анатолия Ливри, не только его тезисов – откровенный остракизм, продолжающийся уже в течение второго десятилетия. Помимо этого, необходимо отметить появление абсолютно стерильных публикаций о Ницше в вышеупомянутом журнале – издание статьи, не как отчёт об изысканиях учёного, но исключительно как знаковое отличие, советизированная инициация госслужащего среди «своих»: Serge Rolet, *Résonances nietzséennes dans la prose narrative russe au tournant du XXe siècle dans: Revue des études slaves*, 70, Paris, 1998, p. 141 – 149 – публикация рабфаковского учителя, силящегося навязать философии будущего привычное ничтожество марксиста. «Ницше» Роле не знаком с немецким языком и почти бессловесен во французском переводе: в лучших традициях советских концлагерей, Роле полагается на «специалистов», устраивая цензуру первоисточника, заставляя Ницше присоединиться к мнению спецов системы (*ibid.*, p. 142). Когда же речь заходит о главнейших ницшевских доктринах, – опять до нас доносится самоуверенный тенорок заезжего на концлагерный лесоповал лектора, или партторга конвоиров, силящегося быть понятным исправляющимися колымскими «передовиками»: «Le surhomme, c'est l'arbre qui cache la forêt ...» (*ibid.*, p. 142), – пыжится Роле.

³ Любопытный факт для изучающих коррупцию западных университетов, благодаря которой в научной прессе Франции бесстыдно и безнаказанно появляются российские тезисы, подписанные французскими университетскими администраторами: Серж Роле (*Serge Rolet*) и Режис Гейро (*Régis Gayraud*), два аппарачика мин. образования Франции, (*Serge Rolet* и *Régis Gayraud*), два аппарачика мин. образования Франции, в своих официальных рапортах, адресованных в *Conseil National des Universités* якобы из разных университетов Франции, – но составленных в один день, 20-го января 2012! – защищают публикации Н. Букс, базой которых является плагиат, – что было доказано в ра-

служило гарантией безнаказанности интеллектуального самозванства безграмотных функционеров, уверенных в круговой поруке товарок и товарищ¹, позволяющих себе даже сравнение Набокова с Ницше (пока мои книги не наложили на эту тему табу), будучи абсолютно чуждыми и наследию философа, и его языку². Воплощением системного набоковеда становится персонаж «Пинна» – Фальтернфельс, трутень духа, инстинктивно ненавидящий вторца, – в связи с которым (редчайший случай!) Набоков прямо упоминает имя Ницше:

Другое благотворительное заведение пришло на помощь Бодо фон Фальтернфельсу, позволив ему завершить, наконец, составление «библиографии пе-

батах, предшествующих моей докторской диссертации. Необходимо признать следующее: большинство учёных пост-советского пространства изменились в 90-х годах прошлого века: выходцы же из СССР, покинувшие страну в эпоху Холодной Войны, например, получающие жалование Сорbonны, а также французские коммунисты, даже бывшие, погрязли в социализме.

¹ См. заявление директора Департамента Русистики Университета Ниццы – Sophia Antipolis Ренэ Герра о нескрываемом факте коррупционной агрессии Изабель Пулан (чей уровень, по мнению Ренэ Герра, не позволяет последней заниматься набоковедением) во время защиты Анатолием Ливри своей докторской диссертации. René Guerra, Attestation destinée au Conseil National des Universités, 20 novembre 2012. – Nice. – P. 1: «J'aimerais dans un premier temps revenir sur le cas d'Isabelle Poulin. En effet, je dois faire part de mon étonnement que Mme Isabelle Poulin puisse être juge de l'œuvre de Vladimir Nabokov, œuvre étant pour moitié rédigée en langue russe, alors que je me suis rendu compte avant, pendant les activités administratives avec des slavistes de Bordeaux ne font pas de vous une russophone». Il convient également de noter que, lors des délibérations du jury, Mme Poulin a tout fait pour influencer les membres du jury pendant les délibérations afin de priver M. Livry des félicitations». Par ailleurs, dans le rapport du jury, madame Poulin n'a pas transcrit ni toutes ses questions ni toutes les réponses de M. Livry, évitant soigneusement celles où celui-là l'a ridiculisée. On pourrait donc voir dans l'attitude d'Isabelle Poulin un règlement de comptes personnel d'autant plus que, par exemple, dans l'«Avant-propos» de la Revue de littérature comparée (cf. Isabelle Poulin, «Avant-propos» dans Revue de littérature comparée, 2012/–2, N.342, p. 133), Mme Poulin mentionnant non seulement les inscrits en thèse en 2011 dont le sujet est Vladimir Nabokov, mais aussi ceux qui l'avaient soutenues cette année, passe étonnamment sous silence l'existence de la thèse de M. Livry. En revanche, elle fait promotion des doctorants de Nora Buhks, même ceux qui, comme Mme Skonetchnaya, ont soutenu leur thèse, comme M. Livry, en 2011. Choix d'autant plus suspect que la thèse de Mme Skonetchnaya n'est consacrée à Nabokov qu'à un tiers alors que celle de monsieur Livry l'est entièrement – attitude que j'estime peu scientifique et surtout irrespectueuse envers le directeur de recherche de M. Livry qui l'avait invitée à la soutenance. À lire le Cahier de l'émigration russe, et notamment son numéro 2, paru sous la direction de N. Buhks encore en 1993, on voit y apparaître Mme Poulin aux pages 107 à 117 qui y cite même des titres d'ouvrages russes de Nabokov en transcription latine (!).».

² См. по этому поводу страницу 301 докторской диссертации по сравнительной литературе Анатолия Ливри, *Nabokov et Nietzsche*, защищённой 4-го июля 2011 в Университете Ниццы – Sophia Antipolis.

чатных и рукописных материалов последних лет, посвящённых критическому осмыслению влияния учеников Ницше на современную мысль»¹ – осквернение дионисической святыни, её диалектическо-библиотечное проституирование. Коллега Пнина – Набоков, – познавший унижение созидателя фактами контакта с сократической братией американских ВУЗов, настолько преисполнен омерзением к кощунственному интеллектуалу, что выдаёт своё ницшеанство, дотоле и после скрываемое. Однако, как всякий наследник «иудео-христианской» цивилизации, проявляет рефлекс благочестия умалчиванием имени верховного божества, заменяя его исключительно качествами бога, Набоков обычно довольствуется лишь пробуждением избранного, чуткого читателя, оставляя всякого не знакомого с Ницше за бортом своего творчества. Это нюансированное ницшеанское апостольство – неустанная деятельность Набокова. И если протагонист его первого романа, Ганин, проговаривается в своём знакомстве с гераклито-заратустровской доктриной, обрывая своё признание многоточием («Я читал о „вечном возвращении“ ...»²), то более трёх десятилетий спустя его, уже англоязычный герой, Шайд – тёзка Тени из «Так говорил Заратустра» – ворчит другому тезису персидского пророка:

*My Good died young. Theology I found
Degrading, and its premises, unsound.
No free man need a God; but was I free?*³

Подчас же воспитание минимально образованного неблагодарного читателя постулатами дионисической веры опостылевает туриста Набокову, и тогда он обращается к равным себе, принимая роль изысканнейшего проводника мыслей и образов Заратустры. Так, если немцу Драйеру претит Германия, которой тот противопоставляет собственное «добро сверхевропейство» и, подобно Ницше, многократно устремляется прочь со своей родины (цели бегства на выбор: Андалузия, а также отечества или Заратустры, или Набокова⁴) – то Драйер выражает жажду метаморфозы в апатрида... архитекторски⁵ парофразируя перса, чьим эхом станет сам Princeps Taurinorum⁶ Ницше⁷: «Кое-где строилась вилла, или высилось новое огром-

¹ Владимир Набоков, *Пинн / пер. С. Ильина*, – СПб.: Северо-Запад, 1993. – С. 260.

² Владимир Набоков, *Другие берега...* С. 59.

³ Vladimir Nabokov, *Pale Fire*, – New York: First Vintage International Edition, 1989. – P. 36.

⁴ «... в Андалузию, Багдад, Нижний Новгород ...»: Владимир Набоков, *Король, Дама, Валет //* Собрание сочинений в четырёх томах. – М.: Издательство Правда, 1990. – Т. 1. – С. 124.

⁵ Об архитектуре – симптоме народного здоровья я уже писал в моих предыдущих книгах: см. например, Анатолий Ливри, *Набоков ницшеанец*. – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 188–192.

⁶ Friedrich Nietzsche, „An Heinrich Köseltz in Berlin (Entwurf), (Turin), Sonntag – Sonntag (30. Dezember 1888“ in Sämtliche Briefe Kritische Studienausgabe, Berlin – New York, Deutscher Taschenbuch Verlag de Gruyter, 1986, Band 8, S. 565.

⁷ «Gesetzt, ich trete aus meinem Haus heraus und fände, statt des stillen und aristokratischen Turin, die deutsche Kleinstadt; mein Instinkt würde sich zu sperren haben, um Alles das zu

А. ЛИВРИ

ное здание, словно составленное из тех розовых, ладных кубов, из которых дети строят дома», – комментирует прогулку своего героя Набоков¹, с юности помнивший презрительное восклицание Заратустры в русском переводе, прежде чем ознакомился с оригиналом²: «И однажды увидел он ряд новых домов; дивился он этому и сказал:

«Что означают дома эти? Поистине, не великкая душа построила их по своему подобию!

Не глупый ли ребёнок вынул их из своего ящика с игрушками? Пусть бы другой ребёнок опять уложил их в свой ящик!»³ – Набоков замечает берлинскую стройку и тотчас реагирует образами своего учителя.

К подобным изящным, недоступным «рогатому скоту»⁴ всех наций образом, принадлежит и набоковская Кармен – ницшевская менада, случайно встреченная философом на оперной сцене: «Ich hörte Carmen zum zweiten Male – und wieder hatte ich den Eindrück einer Novelle ersten Ranges, wie etwa von Mérimée»⁵, – так передаст Ницше свои впечатления от знакомства с произведением Жоржа Бизе, за неделю до события абсолютно неизвестного немецкому любому дрецу, назвавшему его «Франсуа»⁶ – описка, выдающая, сколь образ композитора ассоциировался у Ницше с Францией. И Ницше устанавливает квази интимную зрительскую связь с «Кармен», афишируя её: «Казус Вагнер» открывается провокационным – по отношению к клану маэстро, до последнего своего дня ненавидившего Бизе из-за его успеха, – признанием «Ich hörte gestern – werden Sie es glauben? – zum zwanzigsten Male Bizet's Meisterstück.»⁷ – франко-немецкая лирическая война декларирована.

¹ rückzudrängen, was aus dieser plattgedrückten und feigen Welt auf ihn eindringt.»: Friedrich Nietzsche, *Ecce Homo. Wie man wird, was man ist in Kritische Studienausgabe.* – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6. – S. 292.

² Владимир Набоков, Король, Дама, Валет... с. 246.

³ Friedrich Nietzsche, *Also sprach Zarathustra // Kritische Studienausgabe.* – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 4. – S. 211.

⁴ Friedrich Nietzsche, Так говорил Заратустра / Перевод Ю. М. Антоновского // Собрание сочинений в двух томах. – М.: Издательство Мысль, 1990. - Т. 2. – С. 119.

⁵ Friedrich Nietzsche, Ecce Homo / Перевод Ю. М. Антоновского // Собрание сочинений в двух томах. – М.: Издательство Мысль, 1990. - Т. 2. – С. 724.

⁶ Friedrich Nietzsche, „An Heinrich Köselitz in Venedig (Postkarte), Genua 5. Dezember 1881“ in Sämtliche Briefe Kritische Studienausgabe, Berlin – New York, Deutscher Taschenbuch Verlag de Gruyter, 1986, Band 6, S. 145.

⁷ «Hurrah! Freund! Wieder etwas Gutes kennen gelernt, eine Oper von François Bizet (wer ist das?): Carmén.»: Friedrich Nietzsche, „An Heinrich Köselitz in Venedig (Postkarte), Genua 28. November 1881“ in Sämtliche Briefe Kritische Studienausgabe, Berlin – New York, Deutscher Taschenbuch Verlag de Gruyter, 1986, Band 6, S. 144.

⁸ Friedrich Nietzsche, Der Fall Wagner. Ein Musikanten-Problem // Kritische Studienausgabe. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6. – S. 13.

Вспомним контекст происходящего: апатрид Ницше покинул базельский университет и, вооружённый *passe-port*, выданным одноимённым кантомоном¹, всецело отдался созидаельным путешествиям по Швейцарии, Германии, чрезвычайно итальянализированным окрестностям Ниццы, а также по самой Италии. Ритмическо-духовный развод с Вагнером, – чья смерть освобождает путь мыслителю к написанию «Заратустры», – вдохновляет Ницше на поиск новых форм музыкального выражения, призванных стать не немецкими, и не христианскими: «Il faut méditerraniser la musique ...»² – таков наказ философа композиторам будущего, и Ницше пророчествует, – прямо по-французски ваяя в третьем параграфе своей анти-вагнеровской сатиры неологизм иностранного для него языка, – вживаясь в роль германского апостола неоритмии инспиративного Средиземноморья, к коему в воображении этого Доброго Европейца³ относится и Париж – его новая родина: «Als Artist hat man keine Heimat in Europa außer in Paris [...]»⁴.

Ни разу не посетив французскую столицу, Ницше всё-таки пробивается к высоко им ценимым законодателям интеллектуальных мод, среди которых есть и приезжие франкофилы – Георг Брандес с Августом Стриндбергом, – и аборигены, вроде Ипполита Тэна с Шарлем Бюлозом, редактором «Revue des deux mondes», где в 1845 году Проспер Мериме издал литературную предтечу оперной «Кармен».

Более того исконная «Кармен» Мериме оказалась подлинным кладом для Ницше-вакханта, ибо в его глазах новелла – есть выражение язычества *par excellence*: Антихрист-Дионис, как он сам себя вскоре охарактеризует⁵, видит в «Кармен» франкоязычный авангард возрождения неоплатонизма: Ницше, открывшему «Кармен», первым делом требовалось воспользоваться своими знаниями профессора древнегреческой литературы, ибо новелла начинается эпиграфом Паллада Александрийского⁶, писателя, имевшего мужество славить паганизм на языке Гомера – вопреки «генеральной линии» христианизированной империи. Ницше почитал Мериме собратом, эллинанизированным неоплатоником с западной стороны Рейна, а следовательно, и соратником в восстановлении евразийского язычества, – посвятив французу редкие в своём творчестве хвалебно-идеологические строки: «...

¹ См.: Andrea Bollinger, Franziska Trenkle, *Nietzsche in Basel.* – Basel: Schwabe Verlag, 2000. – P. 54.

² Friedrich Nietzsche, *Der Fall Wagner. Ein Musikanten-Problem ...* S. 16.

³ См. Friedrich Nietzsche, *Vorrede in Jenseits von Gut und Böse, Vorspiel einer Philosophie der Zukunft in Kritische Studienausgabe.* – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 5, S. 13.

⁴ Friedrich Nietzsche, *Ecce Homo. Wie man wird, was man ist // Kritische Studienausgabe.* – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6, S. 288, курсив Фридриха Ницше.

⁵ «Dionysos gegen den Gekreuzigten ...»: Friedrich Nietzsche, *Ecce Homo. Wie man wird, was man ist ...* S. 374, курсив Фридриха Ницше.

⁶ Prosper Mérimée, *Carmen dans Revue de deux mondes*, Paris, 1845, tome 12, p. 5.

*ehrlicher Atheist*¹, – Ницше выделяет «атеистическую» честность Мериме, как нюанс не тотального богообожества, но соучастия в разрушении «иудео-христианского» наследия – включающего и диалектику, и социализм, и марксизм, и дарвинизм, – а также союзничества в последующем наследии древнего экстатического реализма, когда лучшие звероподобные Боги, подчиняясь Эросу, сходили к зверолюдям, и, пока спаривались низшие части обоих особей, – совершенствуя человеческую дикость, – человек неразумный проникался мудростью Олимпа. Так свершался очередной спиральный виток возвышения избранных людского племени, – прерванный, а впоследствии и позабытый из-за вмешательства органически чуждого человеческой элите «сократизма».

Поворотить тысячелетнюю тенденцию земного существования вспять, вернуть ревниво погребённое потопными водами людское достоинство – такова цель Ницше, для достижения коей ему требуется вдохновение «Великого <вакхического> здоровья»² Кармен-менады более чем аристократической, ибо, нюансирует расист Ницше, обладающей утончённостью расы («... Raffinement einer Rasse ...»³), – тотальной противоположности «невротического»⁴ Вагнера, следовательно, для Ницше, декадента⁵, христианина, а значит плебея⁶, автора – опять же согласно философу воли к власти – католических оперных персонажей вроде Парсифalia⁷. Таким образом, повесть о страсти андалузской цыганки Кармен, переданная умершим на Лазурном Берегу парижанином Мериме другому парижанину, Жоржу Бизе, и возведённая тем на сцену, становится воплощением средиземноморской языческой оперы для «парижанина духа» Ницше.

Напомню, вакханки – женщины, сопровождающие кортеж Диониса, основная движущая сила мистерий Бога, во времена коих они достигают со-

¹ Friedrich Nietzsche, *Ecce homo. Wie man wird, was man ist...* S. 286, курсив Фридриха Ницше.

² Friedrich Nietzsche, „Vorrede“, *Menschliches, Allzumenschliches* // Kritische Studienausgabe. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 2. – S. 18.

³ Friedrich Nietzsche, *Der Fall Wagner. Ein Musikanten-Problem* // Kritische Studienausgabe. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6. – S. 13.

⁴ Ницше, двигаемый франкофилией, воспроизводит в «Казусе Вагнера» отрывок из Дневника Гонкуров: «Wagner est une névrose»: Friedrich Nietzsche, *Der Fall Wagner. Ein Musikanten-Problem* // Kritische Studienausgabe. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6. – S. 22.

⁵ Friedrich Nietzsche, *Der Fall Wagner. Ein Musikanten-Problem* // Kritische Studienausgabe. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6. – S. 11, 21.

⁶ Friedrich Nietzsche, *Der Fall Wagner. Ein Musikanten-Problem...* S. 50 – 52.

⁷ «Dabei ist freilich jene andre Frage nicht zu umgehn, was ihn eigentlich jene männliche (ach, so unmännliche) „Einfalt vom Lande“ angieng, jener arme Teufel und Naturbursch Parsifal, der von ihm mit so verfänglichen Mitteln schliesslich katholisch gemacht wird – wie? war dieser Parsifal überhaupt ernst gemeint?»: Friedrich Nietzsche, *Zur Genealogie der Moral* // Kritische Studienausgabe. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 5. – S. 341, курсив Фридриха Ницше.

стояния «духовного выхода из самих себя», тем самым освобождая место энтузиазму: впуская Экстарху внутрь своего тела, предоставляя ей свободу достигнуть находящейся в желудке души¹. Эта восторженное безумие, при котором лишь возможна вакхическая эпифания – *μανία* по-гречески – окрестило спутниц Бога также «менадами», скрупулёзно следующими моде, установленной Дионисом – речь идёт об элементах, ставших фетишами дионаисической религии: небриды менад – его оленя шкура; их длинные волосы – серпентарий – почитание митры-змеи Вакха, коронованного Зевсом²; предписанное же канонами экстатической мессы ускользание от здравого смысла достигается погружением в дифирамб тимпанов.

Одна из таких менад, – с волосами, полными шипящих рептилий, с ударными дисками в руках, – называемая Фридрихом Ницше «Жизнью», отдаётся пляске с Заратустрой, а танец их – доподлинный фламенко:

Zwei Mal nur regtest du deine Klapper mit kleinen Händen – da schaukelte
schon mein Fuss vor Tanz-Wuth. – Meine Fersen bäumten sich, meine Zehen horchten,
dich zu verstehen: trägt doch der Tänzer sein Ohr – in seinen Zehen!

Zu dir hin sprang ich: da flohst du zurück vor meinem Sprunge; und gegen mich
züngelte deines fliegenden fliegenden Haars Zunge!³

Ницше создаёт для своего философского дифирамба⁴ гибрид менад и обожаемой им Кармен, а его пророк, также вдруг получающий независимость от автора, жаждет ритмического безумия оперной вакханки для установления контакта с Дионисом. Верховный жрец Бога, неприемлющий вина Заратустра⁵, выискивает в недрах своего трезвого тела хмель, и пропитанное мудростью опьянение вырывается наружу. Надо иметь в виду: образумленное диалектикой знание бесполезно, более того, подобно злокачественной опухоли, метастазирует во все закоулки души, – и так вплоть до летального исхода таланта, предназначенному великому, но не сумевшего достичь гениальности из-за своей доверчивости к сократическому миру. Основным же показателем тотального творчества является обязательная его трёхэтапность с идеальной завершённостью каждой из стадий: созерцательное путешествие в древность, возможное лишь при безграничной любви к ис следуемому прошлому; аналитическое подведение итогов изысканий,

¹ См. выступление Анатолия Ливри 13 сентября 2012 года *Der Geist ist ein Magen* на 20. Nietzsche-Werkstatt-Schulpforta, «Nietzsches Philosophie des Geistes».

² См. Еврипид, *Les Bacchantes*, v. 101 – 104. – Paris: Les Belles Lettres, 1961. – P. 246.

³ Friedrich Nietzsche, *Also sprach Zarathustra* in Kritische Studienausgabe. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6. – S. 282.

⁴ «– Welche Sprache wird ein solcher Geist reden, wenn er mit sich allein redet? Die Sprache des Dithyrambus. Ich bin der Erfinder des Dithyrambus.»: Friedrich Nietzsche, *Ecce homo. Wie man wird, was man ist...* S. 345, курсив Фридриха Ницше.

⁵ «Nicht Jeder ist gleich Zarathustra ein geborner Wassertrinker.»: Friedrich Nietzsche, *Also sprach Zarathustra* // Kritische Studienausgabe. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6. – S. 353.

прочно запертое в рамки брахманской благожелательности – но уже к современности; закалка и испытание полученных тезисов вакхичностью – тест на сопротивление их вечности. И Ницше твёрдо следует правилу трёхступеней созидания: Вечное Возвращение – главенствующая ницшевская доктрина сначала облюбовывается в шестом веке до христианской эры у ценнейшего эллиноязыкового посредника Малой Азии¹; после, в августе 1881, конкретизируется во время прогулки меж Сюрлеем и Сильс-Марией, мистическую шероховатость её пирамidalной формы до сих пор можно пощупать – даже влезть на неё – около приозёрной дорожки²; и лишь несколько месяцев спустя, – роды мудрости приближаются! – случается вакхическая вибрация Бизе, Гераклит отдаётся пляске с менадой. INCIPIT ZARATHUSTRA.

Набоков ницшеанец, а значит, любитель поизмыгаться над Вагнером³, прочувствовал главенствующую инспиративную роль андалузской цыганки Жоржа Бизе, – но также и Проспера Мериме, близкого Набокову своими переводами Пушкина, Гомера русской литературы. Кармен стала спутницей набоковских героев-ницшеанцев. И в первую очередь – самого Владимира Набокова. Вспомним эпизод «Других берегов»: будущему романисту десять лет, и он готовится скрыться от родительской опеки в компании прототипа Анабёллы из «Лолиты» – своей сверстницы – парижанки. Кто направляет первого-эротический – преобразованный позже в поэтический, – порыв Набокова? Та же самая Кармен! – признаётся писатель в чрезвычайно раннем знакомстве с произведением Бизе. Какой, однако, смысл придаёт цитирующей подлиннике оперному отрывку Набоков? Как и всякий опытный известно Набокову также неовакхическое евангелие – «Рождение Трагедии», – повествующее о творческой стерильности Еврипида, осмелившегося кощунствовать сократизмом на Диониса; не секрет для Набокова и по-

¹ «Ein Zweifel blieb mir zurück bei Heraklit, in dessen Nähe überhaupt mir wärmer, mir wohler zu Muthe wird als irgendwo sonst. (...) Die Lehre von der „ewigen Wiederkunft“, das heisst vom unbedingten und unendlich wiederholten Kreislaut aller Dinge – diese Lehre Zarathustra's könnte zuletzt auch schon von Heraklit gelehrt worden sein.»: Friedrich Nietzsche, *Ecce homo. Wie man wird, was man ist...* S. 312 – 313.

² «Die Grundconception des Werks, der Ewige-Wiederkunfts-Gedanke, diese höchste Formel der Bejahung, die überhaupt erreicht werden kann –, gehört in den August des Jahres 1881: er ist auf ein Blatt hingeworfen, mit der Unterschrift: „6000 Fuss jenseits von Mensch und Zeit“. Ich gieng an jenem Tage am See von Silvaplana durch die Wälder; bei einem mächtigen pyramidal aufgethürmten Block unweit Surlei machte ich Halt. Da kam mir dieser Gedanke.»: Friedrich Nietzsche, *Ecce homo. Wie man wird, was man ist* in *Kritische Studienausgabe...* S. 335, курсив Фридриха Ницше.

³ Тема набоковской ехидности по отношению к Вагнеру стала литературоведческой банальностью. Ещё в советском издании Олег Дарк отмечает связь возможного имени любовницы Смуррова с Брунхильдой «Нибелунгов»: Олег Дарк, *Примечания в Владимир Набоков, Собрание сочинений в четырёх томах*. – М.: Издательство Правда, 1990. – Т. 2. – С. 445.

следующее выздоровление драматурга, покаявшегося «Вакханками» вдали демократических Афин¹. Сравним еврипидовский с набоковским призыва к дионаисическим мистериям.

«Вакханки»: «... sur les monts, sur les monts, ô Bacchantes!»² – для более разительного сходства цитат намеренно привожу французский перевод бельгийского эллиниста и слависта старой школы, к тому же ученика Виламовица.

«Другие берега»: «"Là-bas, là-bas dans la montagne", как пела Кармен в недавно слышанной опере»³. Так, в единственной цитате «Кармен» ницшеанец Набоков сплавляет воедино клич к ориебасию фиванского тиаза Еврипида с эротическими излучениями галлоязыкой менады Жоржа Бизе – вдохновительницы Ницше.

С самого раннего отрочества, для Набокова, первобожество, ведающее гипотетическим совершенствованием людского рода, – попыткой восстановления Андрогина – Высшего Человека, а затем и возможным рывком к Сверхчеловеку⁴ – носит имя Загрея, чьи экстатические ипостаси по разному захлестывают персонажей его ницшеанских романов, неотступно возрождая образы, вызванные первоменадой. Биарриц, – приморское месечко, где десятилетний, но уже преступный перед обществом Набоков зачал Лолиту, услышав крик оперной менады, – возникает на петербургском экране в момент редкого уединения автора с Тамарой⁵; Соня предстаёт перед ницшеанцем Эдельвейсом – в сопровождении его соперника – одетая в цыганкой⁶; а одовевшая мать протагониста «Подвига» (одолжившего у Набокова его детские путешествия из Петербурга до Бискайского залива)⁷ вспоминает Биарриц, мучимая ностальгией по утерянному счастью⁸. Да и сама Анабёлла, не забудем, во время свидания с Гумбертом пахла Кармен:

¹ «... frevelnder Euripides ...»: Friedrich Nietzsche, *Die Geburt der Tragödie // Kritische Studienausgabe*. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6. – S. 74 и проч.

² Euripide, *Les Bacchantes*, v. 986 – 987. – Paris: Les Belles Lettres, traduit par Henri Grégoire, 1961. – Р. 281.

³ Владимир Набоков, *Другие берега ...* С. 221.

⁴ См. по теме Сверхчеловека – усовершенствованного Фридрихом Ницше платоновского Андрогина: Anatoly Livry, «Le Surhomme de Nabokov», *Einige werden posthum geboren*. – Berlin – New York: Walter de Gruyter Verlag, 2012. – S. 347 – 358; Анатолий Ливри, *Физиология Сверхчеловека*. – СПб.: Алетейя, 2011. – 310 с.; а также страницы 228 – 251 докторской диссертации по сравнительной литературе Анатолия Ливри, *Nabokov et Nietzsche*, защищённой 4-го июля 2011 в Университете Ниццы – Sophia Antipolis.

⁵ См. Владимир Набоков, *Другие берега ...* С. 262.

⁶ Владимир Набоков, *Подвиг // Собрание сочинений в четырёх томах*. – М.: Издательство Правда, 1990. – Т. 2. – С. 222.

⁷ Там же, с. 284.

⁸ Там же, с. 161.

Помню запах какой-то пудры – которую она кажется крала у испанской горничной матери – сладковатый, дешёвый, мускусный душок; он сливался с её собственным бисквитным запахом, и внезапно чаша моих чувств наполнилась до краёв; неожиданная суматоха под ближним кустом помешала им перелиться¹.

Выше процитированный роман предоставляет читателю наибольший пример набоковского менадизма. Язычник Набоков, решив поиздеваться над доверчивым, зацикленным на Библии исследователем, заявил о парижском рождении Лолиты, чуть ли не из собственного ребра (*The first little throb of Lolita went through me late in 1939 or early in 1940, in Paris at a time when I was laid up with a severe attack of intercostal neuralgia*)²) – в то время, как нам-то известно о появлении на свет неудавшейся вакханки под пение менады Бизе, – более того, на самом деле именно Гумберт Гумберт возник в Париже, и не где-нибудь, а в кортеже Диониса, возвращавшегося в Европу – на этот оторванный от его религии, а значит, и от греческого языка континент. Не потому ли Набокову потребовался французско-древнегреческий переводчик?

Набоков квази totally честен, когда речь заходит о творчестве, с ничтожествами предпочитая не заигрывать, и его Гумберт прямо заявляет в «Лолите»: «Я родился в 1910-ом году, в Париже»³ – то есть, согласно «Дружии с биаррицским прототипом Анабёллы»⁴. Но это всё первый уровень – века удостоился роли дионисического акушера, исторгшего Гумберта из набоковского чрева? В 1936 г. в издательстве эллинистов *«Les Belles Lettres»* появляются «Гомеровские гимны». Переводчиком и ответственным за публикацию стал профессор древнегреческой литературы Парижского Университета... Гумберт⁵, и нищешанец Набоков, верный творческой тактике вовлекающей имена современников-эллинистов в свои романы⁶ предоставляет гла- как мог Набоков, изгнаник из сократизированной России, близкий тогда парижскому NRF, проглядеть книгу Гумберта?! Ведь в ноябре того же 1936 года выходит в свет скандальный эпос Андре Жида «Возвращение из СССР» – одно из первых французских свидетельств о диалектической тирании. А своё нашумевшее описание родины Набокова псевдо-имморалист Жид на-

¹ Владимир Набоков, *Лолита* // Собрание сочинений в четырёх томах. – М.: ЭкоПрос, 1992. – Т. 5 дополнительный. – С. 11.

² Vladimir Nabokov, *On a book entitled Lolita in Lolita*. – London: Penguin Book, 1995. – Р. 311.

³ Владимир Набоков, *Лолита* ... с. 5.

⁴ См. Владимир Набоков, *Другие берега...* с. 222.

⁵ *Hymnes homériques*. – Paris: Les Belles Lettres, traduit par Jean Humbert, 1936.

⁶ По этому поводу см. Anatoly Livry, «Nabokov le Bacchant» // *Nietzschesforschung*. – Berlin: Akademie Verlag, Band 16, 2009. – С. 305–319.

чиает словами из... «Гомеровского гимна» об «экстатической коллеге Диониса»¹ – настолько посредничество Гумберта, сделавшее гомеридов доступными всякому франкоязычному читателю, стало известным в Третьей Республике. Набоков так тщательно изучал «Гомеровские Гимны» Гумберта, это полезное непрофессиональному эллинисту издание – слева французский текст, справа древнегреческий, – что даже три десятилетия спустя, в «Аде или страсть», он вспомнит о книгах из *«Belles Lettres»*, поделившись собственным опытом с семейством Винов: «You read it, dear, in the literal French translation with the Greek *en regard* – didn't you?...»² – созидательный менадизм длиною в жизнь, такова характеристика набоковского существования! Любой, даже мельчайший, фетиш вакхического культа никогда не забывается этим мистом Диониса. Именно со жреческим усердием выпестованный Гумберт, во время первого эротического контакта с Лолитой ведом ритмом американализированной Кармен, случайно нисходящим на него:

Среди моего лептания мне случайно попалось нечто механически поддающееся повторению: я стал декламировать, слегка коверкая их, слова из глупой песенки бывшей в моде в этот год – О Кармен, Кармениточка, вспомни-ка там... и гитары, и бары, и фары, траратам ...³

Внезапно из магмы намеренно нагнетаемой бессмыслицы (зачем сатиризу разум!) прорывается истина – «нимфетка» и есть Кармен:

... я околовал мою Кармен и всё время смертельно боялся, что какое-нибудь стихийное бедствие мне вдруг помешает ...⁴

Магический ритуал затягивает и Лолиту; Гумберт с ней образует вакхический дуэт; нищешанец Набоков наконец утрачивает здравый смысл; отныне покорный скриб Диониса, он лишь успевает воспроизводить слышимое, снова инстинктивно подчёркивая случайность происходящего:

... я всё повторял за Лолитой случайные, нелепые слова – Кармен, карман, кармин, камин, аминь ...⁵ –

писателю ведь наизусть знакомы заветы Заратустры: «*Von Ohngefähr – das ist der älteste Adel der Welt.*»⁶, а вакхическая педагогика сродни любой другой, она есть – повторение.

Виртуально-педоманская оргия завершена. И Набоков констатирует, что все эти Кармен разбросаны по нескольким страницам. Классический

¹ «L'hymne homérique à Déméter raconte que la grande déesse, dans sa course errante à la recherche de sa fille, vint à la cour de Kéléos.»: André Gide, *Retour de l'U.R.S.S.*, suivi de *Retouches à mon retour d'U.R.S.S.*, Paris, Gallimard, 1978, p. 13.

² Vladimir Nabokov, *Ada, or ardor: a family chronicle*. – New York: First Vintage International Edition, 1990. – Р. 384.

³ Владимир Набоков, *Лолита* ... с. 58.

⁴ Владимир Набоков, *Лолита* ... с. 58, курсив Владимира Набокова.

⁵ Владимир Набоков, *Лолита* ... с. 59.

⁶ Friedrich Nietzsche, *Also sprach Zarathustra* // *Kritische Studienausgabe*. – Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1967, Band 6. – С. 209.

вкус требует их сбрить, а потому автор объединяет своих Кармен в два четверостишия, настолько важных Набокову, что тот решает контролировать каждое слово даже переводных версий стихов. Французский переводчик, например, сетует в сноске на творческое самодержавие Набокова¹.

Но и задолго до «Лолиты», находясь на более низких иерархических позициях вакхического жречества, Набоков не забывает менады Кармен, занимаясь, покамест, её фетишами. Я имею в виду «Дар» – подлинный храм Диониса, где чуткий, обязательно воспитанный на Ницше читатель, откроет для себя абсолютно все стадии экстатической инициации. Одна из наиважнейших (а значит ницшеанских!) ценностей данного романа – в его тотальной непроницаемости непосвящённому в мистерии. Подобно «Так говорил Заратустра», «Дар» – книга для всех <ницшеанцев> и ни для кого. Его герой-ницшеанец в моменты поэтической инспирации защищён Дионисическим Провидением – состояние, сравнимое автором с безнаказанностью, которой пользуются ценители других, куда более распространённых даров Бога:

Как пьяных, что-то (sic.) его охраняло, когда он в таком настроении переходил улицы².

Культурологу драгоценно описание «индивидуально-созидающейся дионисической мессы» последнему нескольких веков относительно христианской цивилизации: как первые «галилеяне» славили Распятого на эллинский лад³, так и Набоков не способен заставить себя упомянуть Имя Бога Диониса, – замалчивая, как того требует для себя Иегова, – под застенчивым «что-то», экстатическую субстанцию, привыкшую слышать тысячелетиями, как её славят во всю глотку.

Стихотворчество – процесс долгий, подчас нуждающийся в фермате. Что же служит взрывом, возвращающим русского ницшеанца-изгнанника, проживающего в столице родины будущего апатрида Ницше, к воспеванию собственного отечества? Набоков твёрдо следует тактике помечать вехами единоверцам путь к верному восприятию своего текста:

И это колебание, которое как будто не имело ровно никакого отношения к Фёдору Константиновичу, оно-то однако, со звенящим тамбуриным звуком, что-то (sic.) столкнуло с края души, где это что-то (sic.) покоилось и уже не прежним

¹ «Cette chanson a été adaptée en français par l'auteur ...»: E. H. Kahane dans Vladimir Nabokov, 1959, *Lolita*. – Paris: Gallimard, traduit par E. H. Kahane. – P. 99.

² Владимир Набоков, *Дар*... с. 28.

³ Столица христианства Августин, доказывая факт блаженства, даруемого добровольствием, цитирует язычников вроде Вергилия (cf. Augustinus, *De Quantitate animae, liber unus*, 41) с Горацием (cf. Augustinus, *Contra Academicos, libri tres*, 4, 9), полный наивного усердия, достойного столь отличных друг от друга политиков, – Лукиана с Юлианом, толкаемых своим эллинским максимализмом негреков к гомеровским эпосам.

отдалённым призывом, в полном близким рокотом покатилось «Благодарю тебя, отчизна», и тотчас, обратной волной: «за злую даль благодарю...»¹, –

итак, Big Bang русской стихотворной инспирации сравнивается Набоковым со звуком инструмента-фетиша дионисической религии, – под музыку которого, если верить еврипидовским менадам, возвращается дифирамб², – по-гречески он называется *тύμπανον*, буквально «тимпан», переведенный Гумбертом на французский в «Гомеровских гимнах» как «*tambourin*³ – тамбурин, выбранный Набоковым для «Дара». А божественно-вакхическое «что-то», – ангел-хранитель ницшеанца Фёдора с 28-ой страницы «Дара», – в течение вечера у Чернышевских просачивается в его душу, туда, к желудку, и на 50-й странице ждёт удара тамбурина, чтобы заставить отиться созиданию спирально совершенствуемое Вакхом тело. Исклучительно повторением Имени Бога Диониса в процессе вакхической литургии, разворачивающейся в продолжение «Дара», и можно объяснить отчего изысканнейший стилист Набоков прилился к «что-то», как бытийный Адам к своей Кармен.

Дифирамбическое благочестие Фёдора Годунова-Чердынцева – alter ego Набокова – было бы удивительно, не готовясь он к нему с самого раннего отрочества. Его отец, сверхъевропейский вакхант⁴, знакомя Фёдора с «энтомологическим душеведением» – конечно случайно! – поведал ему о дионисической анатомии «гиперборейской души»: «Он рассказывал [...] о маленьком звучном тимпане некоторых арктид...»⁵, – вобщем, представил будущему ницшеанцу «крылатую Кармен», снаряжённую тем же *тύμπανον* менад – здесь Набоков просто переписывает по-русски древнегреческое название инструмента, вспоминая о котором, еврипидовские сатиры, эти звонники циклопического здравого смысла, стонут свою ностальгию по Дионису⁶.

Можно продолжать до бесконечности примеры дионисического цемония Набокова, обращающего, из нашего сократического подполья, записки высшим людям грядущего, участвуя в становлении Сверхчеловека,

¹ Владимир Набоков, *Дар*... с. 50.

² Euripide, *Les Bacchantes*, v. 126 dans *Tragiques grecs*. – Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, traduit par Marie Delcourt-Curvers, 1967. – P. 1219. Ссылаясь на неточность еврипида, М. Делькур-Кюрве настаивает на 126 ст. – месте упоминания тамбуринов вовсех текстов, М. Делькур-Кюрве уверен в нахождении тамбурина в 124 ст. Вакханок: Paulys – Wyssowa, *Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*, Stuttgart, Alfred Druckenmüller Verlag in Waldsee, 1948, Siebter Band, S. 1750.

³ À la Mère des Dieux, v. 3 dans *Hymnes homériques*, Paris, Les Belles Lettres, traduit par Jean Humbert, 1936, p. 195.

⁴ См. Anatoly Livry, *Nabokov le nietzschéen*. – Paris, Hermann, 2010. – P. 50 – 52, 105 – 107.

⁵ Владимир Набоков, *Дар*... с. 100.

⁶ Cf. Euripide, *Le Cyclope*, v. 65.

— и одновременно листя отживающему подвиду, исполненному тщеславия, используя его как материал для построения царства вакхического Андрогина, о коем не мечтал и платоновский Аристофан. Каждый раз, беря перо, Набоков производит микротрагический взрыв. Но не наши вялые современники доставляют ему динамит. Писатель черпает его в дionисиях, а для воссоздания древнего мира ему необходима доступная на любой оперной сцене, поющая на понятной идиоме менада, Кармен. Она проводит его по многоязыкому лабиринту-Дионису¹, являясь средством, в то время как её тиаз становится целью, Набокова, который с годами набирается жреческого опыта, всё более профессионально маскирует от вымирающего подвида человечества единственный источник своего созидания — менадизм, скрывая его для наконец пришедшего первооткрывателя.

ТВОРЧЕСТВО В. НАБОКОВА В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В современном мире искусство испытывает влияние распространяющейся тенденции к постоянному обмену разного рода информацией:

В наше время искусство обычно понимается как разновидность общественной коммуникации, причем самоочевидным считается то, что каждый из нас неизменно хочет коммуницировать и стремится к коммуникативному призванию¹.

Возможность быстрого получения практически любых сведений об окружающем мире, с одной стороны, расширяет поле интересов отдельно взятой личности, с другой стороны – погружает ее в неструктурированный поток поступающих сведений, чаще всего половинчатых и поверхностных. Но если ученый рассматривает то или иное явление в качестве *объекта исследования*, обладая при этом некоторыми предварительными знаниями и инструментарием для его изучения, то в представлении обывателя даже сложная проблема может превратиться в *объект интереса*, не предполагающий системного и глубокого подхода.

Благодаря последнему аспекту, в рамках современного массового сознания вокруг какого-либо феномена может сформироваться сопутствующая ему мифология, призванная сориентировать реципиента, дать ему набор общих ассоциаций для создания связных представлений о событии. Критике подобного явления посвящена работа Р. Барта «Мифологии», в которой литературовед анализирует систему «частных мелкобуржуазных мифов», возникающих чаще всего посредством рекламы, кино, журналов и прочих СМИ. Он характеризует такого рода миф как расширенную семиологическую систему, как особое «деформированное слово»:

Дело в том, что миф – это похищенное и возвращенное слово. Просто возвращается слово уже не таким, каким было похищено; при возвращении его поставили не совсем на свое место².

В некотором смысле, именно такому испытанию массовой культурой подвергся и продолжает подвергаться неоднозначный образ писателя по имени Владимир Набоков. Художественная реальность романа «Лолита» (1955), обеспечившего ему колоссальный литературный успех, стала достоянием большой аудитории читателей, попавшей под обаяние образа юной Долорез Гейз, который она впоследствии практически «вырвала» из системы произведения, а само произведение – из контекста творчества ав-

¹ Грайс Б. Комментарии к искусству. – М.: Художественный журнал, 2003. – С. 14.

² Барт Р. Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и comment. С. Зенкина. – М.: Академический проспект, 2008. – С. 285.